

Александр Иванович
Герцен

С ТОГО БЕРЕГА

ЭССЕ

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г41

Герцен, А.

Г41 С того берега / А. Герцен. — М.: Т8RUGRAM, 2018. — 184 с.

ISBN 978-5-521-76632-1

Александр Иванович Герцен (1812–1870) — публицист, писатель, философ XIX века, либерал, сторонник революционных преобразований, один из виднейших критиков официальной идеологии и политики Российской империи.

«С того берега» — сборник эссе, в которых автор прощается со своими либеральными убеждениями, разочаровавшись в революционном движении в Европе в 1848 году, и задаётся вопросом: какие объективные основания позволяют считать, что идеалы социализма осуществимы? Отчаяние Герцена сменяется стремлением двигаться вперёд и искать новые пути развития общества.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76632-1

© Т8RUGRAM, 2018

С ТОГО БЕРЕГА

Друг мой Саша,

Я посвящаю тебе эту книгу, потому что я ничего не писал лучшего и, вероятно, ничего лучшего не напишу; потому что я люблю эту книгу как памятник борьбы, в которой я пожертвовал многим, но не отвагой знания; потому, наконец, что я нисколько не боюсь дать в твои отроческие руки этот, местами дерзкий, протест независимой личности против воззрения устарелого, рабского и полного лжи, против нелепых идолов, принадлежащих иному времени и бессмысленно доживающих свой век между нами, мешая одним, пугая других.

Я не хочу тебя обманывать, знай истину, как я ее знаю; тебе эта истина пусть достанется не мучительными ошибками, не мертвящими разочарованиями, а просто по праву наследства.

В твоей жизни придут иные вопросы, иные столкновения... в страданиях, в труде недостатка не будет. Тебе 15 лет — и ты уже испытал страшные удары.

Не ищи решений в этой книге — их нет в ней, их вообще нет у современного человека. То, что решено, то кончено, а грядущий переворот только что начинается.

Мы не строим, мы ломаем, мы не воздвигаем нового откровения, а устраняем старую ложь. Современный человек, печальный pontifex maximus,¹ ставит только мост — иной, неизвестный, будущий пройдет по нем. Ты, может, увидишь его... Не останься на *старом берегу*... Лучше с ним погибнуть, нежели спастись в богадельне

¹ Здесь: великий строитель мостов (лат.).

реакции. Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе. Она без рая, без вознаграждения, кроме собственного сознания, кроме совести... Иди в свое время проповедовать ее к нам *домой*; там любили когда-то мой язык и, может, вспомнят меня.

...Благословляю тебя на этот путь во имя человеческого разума, личной свободы и братской любви!

Твикнем, 1 января 1855 г.

Введение

«Vom andern Ufer»¹ — первая книга, изданная мною на Западе; ряд статей, составляющих ее, был написан по-русски в 1848 и 49 году. Я их сам продиктовал молодому литератору Ф. Каппу по-немецки.

Теперь многое не ново в ней.² Пять страшных лет научили кой-чему самых упорных людей, самых нераскаянных грешников нашего берега. В начале 1850 г. книга моя сделала много шума в Германии; ее хвалили и бранили с ожесточением, и рядом с отзывами, больше нежели лестными, таких людей, как Юлиус Фрёбель, Якоби, Фальмерейер, — люди талантливые и добросовестные с негодованием нападали на нее.

Меня обвиняли в проповедовании отчаяния, в незнании народа, в *dépit amoureux*³ против революции, в *неуважении* к демократии, к массам, к Европе...

Второе декабря ответило им громче меня.

В 1852 г. я встретился в Лондоне с самым остроумным противником моим, с Зольгером; — он укладывался, чтоб скорее ехать в Америку, в Европе, казалось ему, *делать* нечего. «Обстоятельства, — заметил я, — кажется, убедили вас, что я был не вовсе неправ?» — «Мне не нужно было столько, — отвечал Зольгер, добродушно смеясь, — чтоб

¹ «С того берега» (нем.).

² Я прибавил три статьи, напечатанные в журналах и назначенные для *второго* издания, которое немецкая цензура не позволила; эти три статьи: «Эпилог», «*Omnia mea mecum porto*» и «Донозо Кортес». Ими заменил я небольшую статью об России, писанную для иностранцев.

³ Любовной досаде (франц.).

догадаться, что я тогда писал большой вздор». Несмотря на это милое сознание — общий вывод суждений, оставшееся впечатление были скорее против меня. Не выражает ли это чувство раздражительности — близость опасности, страх перед будущим, желание скрыть свою слабость, капризное, окаменелое старчество?

...Странная судьба русских — видеть дальше соседей, видеть мрачнее и смело высказывать свое мнение, — русских, этих «немых», как говорил Мишле.

Вот что писал гораздо прежде меня один из наших соотечественников:

«Кто более нашего славил преимущество XVIII века, свет философии, смягчение нравов, всеместное распространение духа общности, теснейшую и дружелюбнейшую связь народов, кротость правлений?.. хотя и являлись еще некоторые черные облака на горизонте человечества, но светлый луч надежды златил уже края оных... Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует соединение теории с практикой, умозрения с деятельностью... Где теперь эта утешительная система? Она разрушилась в своем основании; XVIII век кончается, и несчастный филантроп меряет двумя шагами могилу свою, чтоб лечь в нее с обманутым, растерзанным сердцем своим и закрыть глаза навеки.

Кто мог думать, ожидать, предвидеть? Где люди, которых мы любили? Где плод наук и мудрости? Век просвещения, я не узнаю тебя; в крови и пламени, среди убийств и разрушений, я не узнаю тебя.

Мизософы торжествуют. «Вот плоды вашего просвещения, — говорят они, — вот плоды ваших наук; да погибнет философия!» — И бедный, лишенный отечества, и бед-

ный, лишенный крова, отца, сына или друга, повторяет: да погибнет!

Кровопролитие не может быть вечно. Я уверен, рука, секущая мечом, утомится; сера и селитра истощатся в недрах земли, и громы умолкнут, тишина рано или поздно настанет, но какова будет она? — есть ли мертвая, холодная, мрачная...

Падение наук кажется мне не только возможным, но даже неминуемым, даже близким. Когда же падут они; когда их «великолепное здание разрушится, благодетельные лампы угаснут — что будет? Я ужасаюсь и чувствую трепет в сердце. Положим, что некоторые искры и спасутся под пеплом; положим, что некоторые люди и найдут их и осветят ими тихие уединенные свои хижинки, — но что же будет с миром?

Я закрываю лицо свое!

Ужели род человеческий доходил в наше время до крайней степени возможного просвещения и должен снова погрузиться в варварство и снова мало-помалу выходить из оногo, подобно Сизифову камню, который, будучи вознесен на верх горы, собственной тяжестью скатывается вниз и опять рукою вечного труженика на гору возносится? Печальный образ!

Теперь мне кажется, будто самые летописи доказывают вероятность сего мнения. Нам едва известны имена древних азиатских народов и царств, но по некоторым историческим отрывкам можно думать, что сии народы были не варвары... Царства разрушались, народы исчезали, из праха их рождались новые племена, рождались в сумраке, в мерцании, младенчествовали, учились и славились. Может быть, Эоны погрузились в вечность, и не-

сколько раз сиял день в умах людей, и несколько раз ночь темнила души, прежде нежели воссиял Египет.

Египетское просвещение соединяется с греческим. Римляне учились в сей великой школе.

Что же последовало за сею блестящею эпохой? Варварство многих веков.

Медленно редела, медленно прояснялась густая тьма. Наконец, солнце воссияло, добрые и легковверные человеколюбцы заключали от успехов к успехам, видели близкую цель совершенства и в радостном упоении восклицали: берег! Но вдруг небо дымится и судьба человечества скрывается в грозных тучах! О потомство! Какая участь ожидает тебя?

Иногда несносная грусть теснит мое сердце, иногда упадаю на колена и простираю руки свои к невидимому... Нет ответа! — голова моя клонится к сердцу.

Вечное движение в одном кругу, вечное повторение, вечная смена дня с ночью и ночи с днем, капля радостных и море горестных слез. Мой друг! на что жить мне, тебе и всем? На что жили предки наши? На что будет жить потомство?

Дух мой уныл, слаб и печален!» Эти выстраданные строки, огненные и полные слез, были писаны в конце девяностых годов — *Н.М. Карамзиным*.

Введением к русской рукописи были несколько слов, обращенных к друзьям на Руси. Я не счел нужным повторять их в немецком издании — вот они: